

УДК 316.334.56

DOI 10.25688/2078-9238.2020.33.1.11

С.А. Капков

Эволюция общественных городских пространств

В статье рассматривается эволюция роли и места общественных городских пространств в структуре города и общества в целом, выделяются несколько этапов данной эволюции, а также анализируются ее причины и основные факторы. Автором подчеркивается зависимость организации общественного пространства от организации общественной жизни, утверждается, что при всех различиях Античность, Средневековье и Возрождение можно считать единым этапом в развитии общественных городских пространств, так как в это время общественные пространства выполняли утилитарные и (или) сакральные функции. Перелом в предназначении общественных пространств, изменение их роли и функций связаны преимущественно с развитием капитализма, индустриализацией и урбанизацией (XIX–XX вв). Очередной перелом, свершившийся в конце XX – начале XXI в., обусловлен развитием техники, транспортных систем и IT-технологий. Он привел к абсолютно новому взгляду на роль и функции городских общественных пространств.

Ключевые слова: город; общественное городское пространство; городская идентичность; функционал.

В структуре современного города общественные пространства играют ключевую роль. Они аккумулируют большой комплекс постоянных функций: обеспечивают необходимое современной экономике разнообразие коммуникаций, объединяют городское сообщество, формируют и поддерживают идентификацию жителей с городом, являются местами проведения досуга, формируют образ города на мировой карте, выступают площадками для проявления гражданской активности. Очевидно, что в XXI в. общественные городские пространства — это лаборатория социальной жизни. Именно с их помощью становится явным все городское разнообразие, именно в них происходит воспроизводство города как целого. Однако функции и место общественного городского пространства в структуре города и общества в целом не оставались неизменными на протяжении истории человечества.

Сама форма организации городских общественных пространств и те социально-культурные практики, которые в них разворачиваются, отражают и устойчиво воспроизводят универсальные черты городского образа жизни и специфические особенности, характерные для общественной жизни конкретных городов и стран в определенные исторические периоды. Вместе с тем изменения в организации общественных пространств тесно связаны с переменами, происходящими в обществе в целом.

Более или менее существенную роль общественное городское пространство начинает играть в античных городах, да и то не сразу. Исследователь древнегреческой мысли Ж.-П. Вернан, сравнивая древнегреческие и древневосточные города, пишет: «Теперь городские постройки больше не группируются вокруг обнесенного укреплениями царского дворца. Центром города отныне становится агора, общее пространство, место общего Очага, площадь, где обсуждаются проблемы, представляющие общий интерес» [3, с. 67]. Новое социальное пространство возникает вместе с новым общественным устройством — демократическим.

Общественная жизнь, организованная на принципиально иных началах, требовала и новой организации общественного пространства. Идея демократии в противовес идее царского правления древневосточных обществ предполагала, что люди равны между собой: «...власть, господство... не располагаются более на вершине социальной лестницы, а помещены в центре, в середине человеческой группы» [3, с. 150–151]. Новое социальное пространство ориентировано на центр, но оно в то же время «зависит от тех, кого называют “средними”, так как, находясь на равном от крайностей расстоянии, они составляют фиксированную точку равновесия города» [3, с. 151]. Новые идеи находят свое отражение в философии. Так, идея равенства граждан Аристотелем воплощается в теории среднего класса и выделении двух видов равенства — геометрического и арифметического. В теории Платона это принимает крайнюю форму отрицания частной собственности.

О греческом городе как полисе можно говорить лишь с момента, когда город стал ориентироваться на общественную площадь как центр своей жизни. «По отношению к центру все индивиды и группы занимают симметричное положение. Агора образует центр общего для всех пространства. Все, кто сюда попадают, тем самым одинаково определяются как равные» [3, с. 150–151]. Агора являлась одновременно и рынком, и центром всей общественной жизни: народные собрания, суды, объявления войны и мира — все важные решения в период демократии принимались именно на городской площади [3, с. 73–74]. Демократический принцип устройства полиса требовал внимания к общественным пространствам. И дело не ограничивалось агорой. Специализированными общественными пространствами были святилища и храмы, театры, гимнасии и стадионы, суды, харчевни, постоянные дворы. В обязанность государственным лицам вменялась забота об улицах, источниках, о гаванях и даже частных зданиях, поддержание их в порядке. Рассуждая о государственных должностях,

в ведении которых находятся «благораспорядок и благопристойность», Аристотель пишет: «Первое место среди необходимых забот занимает попечение о *городской площади* (выделено нами. — С. К.)» [1, с. 215].

Если античные философы уделяют много внимания устройству собственно общественного городского пространства, в Средневековье этот вопрос отходит на второй план, что вполне объяснимо: само общественное пространство средневековых городов сокращается до минимума. Политическое устройство средневековых государств не предполагает ни свобод граждан (да и их жители так не именовались), ни тем более свободных соборниц и обсуждений общественных вопросов. Агоры и форумы потеряли прежнее назначение, стали застраиваться; широкие улицы сузились и искривились и в целом общественные пространства средневековых городов стали сворачиваться [10]. Сама идея рационального устройства городского пространства, идея создания гармоничной городской среды на время забывается. Однако в средневековых городах, помимо рыночных площадей, появляются административные площади около ратуш и соборов, предназначенные для гражданских нужд.

Эпоха Возрождения приносит новые принципы городского проектирования, когда площади и улицы объединяются в общую композиционно-коммуникационную систему. Однако, с нашей точки зрения, все три эпохи — Античность, Средневековье, Возрождение — можно считать единым этапом в развитии общественных городских пространств, так как в это время общественные пространства выполняют чисто утилитарные или сакральные функции.

Перелом и серьезные изменения в общественных пространствах связаны с развитием капитализма, индустриализацией и урбанизацией. XVIII – первая половина XX в. — это время быстрого роста общественных городских пространств, изменения их роли и функций. Важным фактором в этом процессе выступает изменение социальной структуры общества. Характерная для феодального периода сословная дифференциация общества становится более стертой, да и само разделение между общественной и частной жизнью во многом нейтрализуется. Значение площадей отходит на второй план. Появляются альтернативные общественные пространства, более привлекательные для утвердившегося третьего сословия: парки, скверы, озелененные площади и улицы. Функционал общественных городских пространств расширяется за счет коммуникационных и рекреационных функций. В это время формируется то, что Ю. Хабермас называет *публичной сферой*, т. е. независимая от государства неформальная сеть обмена информацией, где обсуждаются общественно значимые вопросы и вырабатываются общее мнение и политические решения [9]. «Из центра публичной (общественно значимой) сферы гражданского общества сформировалась реполитизированная социальная сфера, в которой государственные и общественные институты, слившись в единый функциональный комплекс, уже не могут быть дифференцированы в соответствии с критериями частной и общественной жизни» (перевод мой. — С. К.) [12, с. 148].

В физическом смысле публичная сфера реализуется в городском пространстве, в первую очередь в парках и на улицах, предназначенных для пешеходных прогулок, так как именно там могут встречаться незнакомцы. Также центрами общественной жизни становятся кофейни, кафе, салоны, магазины, редакции газет, театры, места спортивных состязаний.

Переломным моментом в истории европейских городских общественных пространств явились реформы барона Жоржа Эжена Османа по переустройству Парижа в 1853–1870 гг. Стремительный рост городского населения; чрезмерная плотность и стихийная неразбериха городской застройки, затруднявшие движение транспорта; скопление бедных кварталов с плохими санитарными условиями в центре города — эти факторы потребовали радикальных мер, инициированных императором Наполеоном III. Масштабной перепланировкой Парижа руководил назначенный императором префект департамента Сена барон Осман. Он расчистил центральную часть столицы, ликвидировав часть узких переулков и тупиков, проложил широкие проспекты сквозь существующие кварталы и связал город геометрической сетью прямых, широких (до 30 м) и светлых авеню и бульваров: «...наступило время культуры открытых пространств, широких проспектов, электрического света, запрета на проституцию» [8, с. 415]. Не последнюю роль сыграл и опыт революций, сотрясавших Париж на протяжении всего XIX в.: «Власти извлекли урок из уличной борьбы рабочих: на мостовых были устроены деревянные настилы, улицы расширены, в том числе и потому, что возвести баррикаду на широких улицах гораздо сложнее, к тому же по новым проспектам жандармы могли вмиг доскакать до рабочих кварталов» [8, с. 416]. Тем не менее главной заботой барона была не борьба с рабочими, а организация удобной, эстетичной, экологичной и безопасной городской среды и коммуникационной системы. А.А. Высоковский так оценивает его деятельность: «...он реализовал потрясающий урбанистический проект, на много лет опережавший развитие Парижа. Он придумал так называемую комбинированную улицу, в которой центральная часть была проезжей, а боковые части с бульварами — пешеходной» [4, с. 14–15].

Парижские бульвары еще раньше, в 1840-х гг., начали становиться средоточием публичной, светской жизни. Если до этого светская жизнь концентрировалась вокруг королевского двора и салонов высокопоставленных особ, то теперь она сместилась на озелененные пешеходные аллеи, на которых расположены кафе и клубы. «Бульвар символизировал определенный стиль жизни <...> В первую очередь жизнь эта протекала в кафе и кружках. Если летом эти господа использовали сам бульвар как “салон на воздухе”, то зимой они встречались в более защищенных местах: у Тортони, в Парижском кафе, Английском кафе и кружках, таких как Союз, Жокей-клуб, Сельскохозяйственный кружок» [6, с. 338]. Реформы барона Османа, значительно расширившие территорию бульваров, и закрепили этот процесс, и демократизировали его — не только в узком слое светских львов и львиц, но и среди основной массы горожан вошло в привычку проводить свободное время на открытом воздухе.

Бульвары и парки произвели переворот в субординации общественных пространств города. Площади — рыночные, административные, храмовые, судебные — с древних времен становились и площадками городской коммуникации, на них узнавали новости, зачитывались указы, отмечались праздники, распространялись слухи и сплетни, тем не менее на площадях всегда доминировала функция утилитарная или сакральная. Общественные пространства, появившиеся в буржуазную эпоху, освободились и от утилитарных, и от сакральных функций, став местами чистой коммуникации и рекреации. Социальная дифференциация в этих местах поначалу играла определенную роль, но постепенно она сгладилась, по мере того как утверждалась возможность человека добиться успеха не благодаря прихоти рождения в привилегированном сословии, а благодаря активности и предприимчивости. Артистическая богема, обитавшая сначала на Монпарнасе, затем на Монмартре, и выставки независимых художников определили лицо современного искусства, потеснив диктат академий и салонов.

Если в XVIII–XIX вв. основными стимулирующими факторами интенсивного развития общественного городского пространства и изменения его роли и функций являлись демократизация общества, уменьшение социальной дифференциации и развитие публичной сферы, то в конце XX – начале XXI в. их «сокращение» и «клонирование» (Ж. Бодрийяр) были обусловлены процессами индивидуализации, атомизации, массовизации, обезличивания и «раскультивирования» современного сетевого общества.

Уже в середине XX в. западные исследователи высказывали серьезную обеспокоенность непосредственно физическим сокращением общественных пространств городов в связи с их застройкой, а также искажением практик их использования, деградацией их социальных и культурных функций, приватизацией общественных пространств и сокращением возможностей доступа к ним представителей неугодных групп, определяемых по тем или иным признакам. Общественные городские пространства используются горожанами меньше или в ином качестве, перестают в полной мере выполнять свою роль в поддержании благополучия города. Факторами, влияющими на деградацию общественных городских пространств, выступают те же самые явления, что и в случае с процессом дезинтеграции публичной сферы как таковой.

Так, западные урбанисты отмечают, что общественные пространства теперь описываются и мыслятся в терминах культурного потребления, их политическая роль сходит на нет [11]. Однако их деградация не является следствием злонамеренного наступления властей на гражданские свободы. Факторами, определяющими данную тенденцию, выступают: развитие новых медиа и цифровых коммуникаций, виртуализация публичной сферы, сокращение необходимости непосредственных встреч для обсуждения общественных вопросов, с одной стороны, и атомизация общественной жизни — с другой.

Развитие техники и транспортных систем привело к абсолютно новому уровню власти человека над расстояниями, невероятному росту мобильности

и темпа жизни. Современный человек находится в движении и все меньше задерживается на одном месте. Проникновение цифровых медиа и виртуальных коммуникаций во все области жизни трансформировало города, превратив их, по определению С. Маккуайара, в архитектурно-медийные комплексы, а средства связи, позволяющие общаться с людьми на колоссальных расстояниях, виртуализировали коммуникативную сферу, уменьшив необходимость встреч лицом к лицу [5, с. 26–46]. Виртуальное публичное пространство легко может заменить современному человеку поход на площадь, рынок, в театр, кинотеатр и т. д.

Помимо этого, процессы индивидуализации приводят к попыткам гомогенизировать круг общения, к исключению чужих из сообществ и физических пространств, минимизации контактов с ними, чему сопутствует возникновение в городах все большего количества общих, но не общественных, не культурных пространств — мест без места, «не-мест», где можно сохранять иллюзию общности, находясь при этом в весьма выборочном окружении или не вступая в реальное взаимодействие с другими (см. [7]). З. Бауман описывает три типа таких мест: это «значимые» и «высокомерные» места (городские площади официальных собраний и демонстраций, особенно перед зданиями правительственных органов, обустроенные так, что их хочется скорее покинуть, а не задерживаться там), «не-места», или «пустые места», где все стремится к тому, чтобы при физическом присутствии других людей свести их социальное присутствие (т. е. взаимодействие с ними) к минимуму (прежде всего это транзитные зоны неизбежного столкновения с другими людьми — вокзалы, аэропорты, общественный транспорт), и, наконец, места потребления — многочисленные магазины, объединенные в торгово-развлекательные центры [2, с. 103–119]. Коммерциализированные пространства, или пространства потребления, З. Бауман также рассматривает как псевдообщественные пространства, которые подменяют подлинно общественные пространства и отвлекают от них горожан. Ведь торговые центры позволяют находиться в безопасной среде, исключая слишком далеких в социальном плане людей (например, слишком бедных), ощущая при этом чувство принадлежности к общности (здесь все покупатели и все похожи), которое при этом не требует реального взаимодействия с незнакомцами, поскольку здесь каждый занят своим делом, которое задано и определено этим местом [Там же, с. 106–110].

Тем не менее политическая и символическая роль общественных пространств в определенные моменты может актуализироваться, что показали события начала XXI в.: Таксим в Стамбуле, Майдан в Киеве, Болотная площадь в Москве, движение Occupy Wall Street, движения желтых и черных жилетов в Париже.

Городские общественные пространства всегда складываются из совокупности социальных практик его жителей, наделяющих городское жизненное пространство устойчивыми социальными смыслами. В свою очередь, сами городские социальные пространства выполняют конструирующую и формирующую функцию по организации системы города. В результате город, как зеркало, отражает сущность происходящих социальных изменений.

Литература

1. *Аристотель*. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.
2. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
4. *Высоковский А.А.* Соч.: в 3 т. М.: Grey Matter, 2015. III. Public. 352 с.
5. *Маккуайар С.* Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
6. *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848 / пер. с франц. В.А. Мильчиной и О.Э. Гринберг. М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. 480 с.
7. *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А.Ю. Коннова. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 136 с.
8. *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 520 с.
9. *Хабермас Ю.* Социоструктурная трансформация публичной сферы; Трансформация политической функции публичной сферы / реферативный пер. с нем. Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: Вариант, 2013. С. 226–308.
10. *Шабуров П.В.* Трансформация пространства и ландшафта площадей городов Европы в Средневековье [Электронный ресурс] // Архитектура и современные информационные технологии. 2014. № 4 (29). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
11. *Amin A.* Collective culture and urban public space [Электронный ресурс] // City. April 2008. V. 12, n. 1. URL: <http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/b003-collective-culture-and-urban-public-space> (дата обращения: 12.02.2020).
12. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 326 p.

Literatura

1. *Aristotel'.* Politika. Afinskaya politiya. M.: My'sl', 1997. 458 s.
2. *Bauman Z.* Tekuchaya sovremennost' / per. s angl. pod red. Yu.V. Asochakova. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
3. *Vernan Zh.-P.* Proisxozhdenie drevnegrecheskoj my'sli. M.: Progress, 1988. 224 s.
4. *Vy'sokovskij A.A.* Soch.: v 3 t. M.: Grey Matter, 2015. III. Public. 352 s.
5. *Makkuajar S.* Medijny'j gorod: Media, arxitektura i gorodskoe prostranstvo / per. s angl. M.: Strelka Press, 2014. 392 s.
6. *Marten-Fyuzh'e A.* E'legantnaya zhizn', ili Kak voznik «ves' Parizh». 1815–1848 / per. s francz. V.A. Mil'chinoj i O.E'. Grinberg. M.: Izd.-vo im. Sabashnikovyx, 1998. 480 s.
7. *Ozhe M.* Ne-mesta: Vvedenie v antropologiyu gipermoderna / per. s francz. A.Yu. Konnova. M.: Novoe lit. obozrenie, 2017. 136 s.
8. *Trubina E.G.* Gorod v teorii: Opy'ty' osmy'sleniya prostranstva. M.: Novoe lit. obozrenie, 2013. 520 s.

9. *Xabermas Yu.* Sociostrukturnaya transformaciya publichnoj sfery'; Transformaciya politicheskoy funkcii publichnoj sfery' / referativny'j per. s nem. T. Tyagunovoj // Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, kejs stadi. M.: Variant, 2013. S. 226–308.

10. *Shaburov P.V.* Transformaciya prostranstva i landshafta ploshhadej gorodov Evropy' v Srednevekov'e [E'lektronny'j resurs] // Arhitektura i sovremenny'e informacionny'e texnologii. 2014. № 4 (29). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf> (data obrashheniya: 12.02.2020).

11. *Amin A.* Collective culture and urban public space [E'lektronny'j resurs] // City. April 2008. V. 12, n. 1. URL: <http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/b003-collective-culture-and-urban-public-space> (data obrashheniya: 12.02.2020).

12. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 326 p.

S.A. Kapkov

Evolution of Public Urban Spaces

The article examines the evolution of the role and place of public urban spaces in the structure of the city and society as a whole, highlights several stages of this evolution, and analyzes its causes and main factors. The author emphasizes the dependence of the organization of public space on the organization of public life, argues that for all the differences Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance can be considered a single stage in the development of public urban spaces, as at this time public spaces performed utilitarian and/or sacred functions. The turning point in the purpose of public spaces and the change in their role and functions is mainly related to the development of capitalism, industrialization and urbanization (XIX–XX centuries). Another turning point, which happened at the end of the 20th century, began 21st century driven by the development of technology, transport systems and IT technologies. It has led to a completely new perspective on the role and function of urban public spaces.

Keywords: city; public urban space; urban identity; functionality.